

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10045

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПОСТСОВЕТСКИХ ДЕ-ФАКТО ГОСУДАРСТВ

Сергей Валерьевич Голунов

Институт мировой экономики и международных отношений РАН,
Москва, Россия

Информация о статье:

Поступила в редакцию:

7 мая 2021

Принята к печати:

7 сентября 2021

Об авторе:

д.полит.н., ведущий научный сотрудник, Группа по исследованию проблем мира и конфликтов, Институт мировой экономики и международных отношений РАН

e-mail: sgolunov@mail.ru

Ключевые слова:

де-факто государство; непризнанное государство; приграничное сотрудничество; постсоветское пространство; материнское государство; государство-патрон; Абхазия; Донецкая Народная Республика; Луганская Народная Республика; Приднестровская Молдавская Республика; Южная Осетия

Аннотация: Статья посвящена приграничному сотрудничеству постсоветских де-факто государств (Абхазии, Донецкой и Луганской народных республик, Приднестровской Молдавской Республики и Южной Осетии) за период с начала 1990-х годов по 2021 г. Приграничное сотрудничество большинство постсоветских де-факто государств, за исключением Приднестровья, не отличается особой эффективностью. Свою роль играют сложные политические отношения с частью сопредельных государств, нелегитимность де-факто границ для значительной части потенциальных партнеров, чрезмерный контроль центральных органов власти над кросс-граничными связями, ограниченность экономических потенциалов де-факто государств и восприятие их соседями (включая даже союзников) как потенциального источника угроз и нестабильности.

При всех имеющихся проблемах сотрудничество постсоветских де-факто государств с сопредельными регионами государства-«покровителя» («патрона», в данном случае России), по большей части, решает наиболее острые проблемы выживания де-факто государства, его функционирования в сферах здравоохранения, связи, развития ряда отраслей экономики. При этом сотрудничество России с признанными им постсоветскими де-факто государствами гораздо шире и разнообразнее, чем с непризнанными. Приграничное сотрудничество между де-факто государствами и прежде контролировавшими их территории материнскими государствами в большинстве случаев находится в зачаточном состоянии. Частичным исключением можно считать относительно успешное сотрудничество между Молдавией и Приднестровьем, которое, однако, регулярно осложняется многочисленными политическими противоречиями. Наконец, приграничное сотрудничество де-факто государства с третьей страной (ПМР–Украина) осложняется фактором непризнанности и неблагоприятной политической конъюнктурой, а между двумя непризнанными государствами (ДНР–ЛНР) – гиперцентрализацией управления в обеих республиках

Термин «де-факто государство» применяется к эффективно управляющим своей территорией в течение продолжительного периода (квази-)государственным образованиям, фактически провозгласившим свою независимость, но при этом не признанным ООН. Некоторые из такого рода политических образований (например, Абхазия, Косово, Тайвань и Южная Осетия) удостоились признания своей государственности со стороны некоторых стран-членов ООН. Вместо термина «де-факто государство» или в качестве синонима нередко употребляются и другие понятия, в особенности «непризнанное государство»¹.

Постсоветское пространство – регион наибольшей в мире концентрации непризнанных государств. В их число входят Абхазия, Донецкая Народная Республика (ДНР), Луганская Народная Республика (ЛНР), Нагорно-Карабахская Республика (НРК), Приднестровская Молдавская Республика (ПМР) и Республика Южная Осетия (РЮО). В настоящей работе не рассматривается случай НКР, поскольку после поражения республики в войне 2020 г. с Азербайджаном предыдущая конфигурация ее приграничного сотрудничества с Арменией во многом утратила свою актуальность.

¹ См., например: Ó Beacháin, D.; Comai, G.; Tsurtsumia-Zurabashvili, A. The Secret Lives of Unrecognised States: Internal Dynamics, External

Relations, and Counter-Recognition Strategies // *Small Wars & Insurgencies*, 2016, Vol. 2, No. 73, pp. 440-466.

Одним из важнейших атрибутов фактической государственности является контроль над границами и трансграничными потоками. Как и для «обычных стран», для де-факто государств полноценное со-общение с внешним миром имеет жизненно важное значение. При этом ограниченная легитимность де-факто государств создает серьезный вызов устойчивости их границ и регулируемых этими границами потоков. В чем заключается специфика приграничного сотрудничества постсоветских де-факто государств? Как влияют на эту специфику характер их отношений с сопредельными политическими образованиями? В каких рассматриваемых случаях приграничное сотрудничество де-факто государств развиваются более успешно, чем в других?

Проблемам постсоветских де-факто государств посвящено большое количество как отечественных, так и зарубежных исследований. При этом работы, ставящие целью концептуализации приграничного сотрудничества хотя бы одного из этих де-факто государств, практически отсутствуют. Ряд исследований посвящен частным проблемам такого сотрудничества, включая совместное поддержание работоспособности трансграничных инфраструктурных объектов²; неформальную приграничную торговлю³ и влияние опыта приграничного сотрудничества до образования на участвовавшей в нем территории де-факто государства⁴.

Основная часть настоящей работы состоит из пяти разделов. В первом анализируется феномен приграничного сотрудничества, включая его содержательное наполнение и международный опыт), во втором – феномен границ де-факто государств. Последующие три раздела посвящены специфике сотрудничества де-факто государств в зависимости от конкретного типа границ: границ с государствами-патронами⁵, материнскими государствами⁶ и границ с третьими странами и с другими де-факто государствами.

Феномен приграничного сотрудничества

В качестве «канонического» определения приграничного сотрудничества чаще всего цитируется формулировка, содержащаяся в Мадридской конвенции 1980 г. Согласно этой формулировке, понятие «приграничное сотрудничество» применимо к совместным действиям с целью укрепления добрососедских отношений между сопредельными органами власти или сообществами⁷.

Как представляется, данное определение более применимо для практических целей институционализации и систематического развития сотрудничества между административно-территориальными единицами различных уровней, нежели для концептуализации случаев «стихийного» сотрудничества, не ставшего результатом систематических усилий органов власти. Известная классификация О. Мартинеса подразделяет границы на отчужденные

² См., например: Margvelashvili, M. Enguri HPP and Energy Supply to Abkhazia. World Experience for Georgia, 2017. Mode of access: <http://weg.ge/sites/default/files/enguri-hpp-and-energy-supply-to-abkhazia-1.pdf>

³ См., например: Kemoklidze, N.; Wolff, S. Trade as a Confidence-building Measure in Protracted Conflicts: The Cases of Georgia and Moldova Compared // *Eurasian Geography and Economics*, 2019, Vol. 61, No. 3, pp. 305-332; Mirimanova, N. Between Pragmatism and Idealism: Businesses Coping with Conflict in the South Caucasus / *International Alert*. 2006. Mode of access: https://www.international-alert.org/sites/default/files/publications/28_section_2_South_Caucasus.pdf

⁴ Бредихин А.В. Донецко-Макеевская агломерация: пути развития приграничного сотрудничества // *Альманах Казачество*, 2016. Т. 6. № 19. С. 12-17. [Bredikhin, A.V. Donetsk-Makeevskaya agglomeration: ways of development of cross-border cooperation // *Al'manakh Kazachestvo*, 2016. T. 6. No. 19. P. 12-17.]

prigranichnogo sotrudnichestva (Donetsk-Makiivka Agglomeration: Pathways of Cross-Border Cooperation) // *Al'manakh Kazachestvo*, 2016, Vol. 6, No. 19, pp. 12-17.]

⁵ Государства-патроны – страны, поддержка и покровительство которых жизненно важны для де-факто государств.

⁶ Материнские государства – международно признанные государства, от которых де-факто государства фактически отделились.

⁷ European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities. Madrid, 21.V.1980 / Council of Europe. Mode of access: <https://rm.coe.int/1680078b0c>

(когда кросс-границные контакты сведены к минимуму), сосуществования (когда сотрудничество нестабильно и ограничено), взаимозависимые (со стабильными партнерскими отношениями) и интеграционные (когда трансграничные институты и элементы инфраструктуры функционируют как единое целое)⁸. Сотрудничество между акторами, действующими в условиях отчужденных границ и границ сосуществования, не обязательно преследует амбициозные цели, но, в то же время, может стихийно закладывать семена таких взаимоотношений, которые дадут всходы лишь в долгосрочной перспективе.

Свои проблемы с применением определения Мадридской конвенции могут возникнуть и в приграничном сотрудничестве доминируют центральные органы власти. Хотя принципиальная возможность Центра принимать участие в приграничном сотрудничестве особому сомнению не подвергается, в «мадридском формате» он рассматривается лишь как один из многих акторов такого сотрудничества, в котором, чаще всего, тон задают местные акторы. Одна из особенностей большинства постсоветских де-факто государств заключается в том, что они могут быть отнесены к категории «малых», обладающих значительно меньшими ресурсами по сравнению с «типичными» государствами⁹. В такого рода «малых государствах» правительства решают очень широкий круг вопросов локального характера. Доминирование Центра в приграничном сотрудничестве «малого государства» может сделать затруднительным выделение такого сотрудничества из комплекса дипломатических отношений «малого государства» с соседними странами.

С учетом этих проблем, в контексте настоящего исследования автор определяет приграничное сотрудничество как периодические кооперативные взаимодействия

между акторами из граничащих друг с другом стран, связанные с физическим пересечением данной границы. Как правило, взаимодействующие друг с другом акторы из сопредельных стран находятся друг от друга на относительно небольшой физической дистанции.

Приграничное сотрудничество может принимать самые различные формы, начиная частными инициативами и символическими официальными мероприятиями и кончая созданием наделенных обширными полномочиями совместных органов. Не менее широк возможный диапазон выполняемых им функций: развитие коммерчески успешных проектов, преодоление маргинального положения сопредельных территорий, смягчение прямо (пограничный контроль) и косвенно (нормативные различия и т.п.) связанных с границей барьеров, создание рабочих мест, разрешение общих проблем, развитие сетевых связей, устранение дублирующей инфраструктуры, смягчение этнических и политических конфликтов, повышение информированности сторон друг о друге и т.д.¹⁰

Было бы поверхностным судить об успешности приграничного сотрудничества лишь на основе наличия или отсутствия четко измеримых экономических результатов. Следует учитывать различие стартовых условий, так и многочисленность тех количественных и качественных критериев, по которым может оцениваться прогресс. В частности, стартовые условия могут определяться воздействием многочисленных барьеров, включая плохие политические отношения; жесткость пограничного, таможенного и миграционного контроля; недостаток полномочий у сотрудничающих акторов, их слабость и пассивность; чрезмерное бюрократическое регулирование внешних контактов; недостаток информации; языковые и культурные различия; неадекватность инфраструктуры; слабое финансирование проектов; различия экономических и других потенциалов (как слишком большие, так и

⁸ Martinez, O. *Border People: Life and Society in the U.S.-Mexico Borderlands*. Tucson: The University of Arizona Press, 1994. 375 p.

⁹ См., например: Frear, Th. *The Foreign Policy Options of a Small Unrecognised State: The Case of Abkhazia // Caucasus Survey*, 2014, Vol. 1, No. 2, pp. 83-107.

¹⁰ См., например: Sousa, L. *Understanding European Cross-border Cooperation: a Framework for Analysis // Journal of European Integration*, 2013, Vol. 35, No. 6, pp. 669-687.

слишком маленькие различия снижают экономическую привлекательность сторон друг для друга)¹¹ и т.п.

Вполне объяснимо, что приграничное сотрудничество далеко не во всех случаях оказывается эффективным, что в ряде случаев его успех оказывается частичным и относительным, и что попытки экспортировать успешно работающую модель в другие условия не обязательно приносят ожидаемые результаты.

В глобальном масштабе наиболее успешными зарекомендовали себя несколько моделей приграничного сотрудничества, причем чаще других эталонной считается модель Европейского Союза. Данная модель основывается на идеологиях и практиках европейской интеграции и регионализации (часть трансграничных еврорегионов имеет эффективные органы управления с значительными полномочиями), принципе многоуровневого управления, а также на щедром конкурсном финансировании проектов различного масштаба¹². Ее эффективность, однако, снижается в условиях, когда местные органы власти какой-либо из сотрудничающих сторон имеют недостаточно полномочий, когда финансирование неадекватно и в широких масштабах практикуется нецелевое исследование выделенных средств¹³. Специфическая модель сотрудничества, основанная на постепенном и дозированном стимулировании трансграничных контактов при финансовой поддержке проектов с участием конфликтующих сторон применялась ЕС в процессе урегулирования североирландского и балканских конфликтов¹⁴.

Давние традиции также имеет североамериканская модель. Она сложилась во многом стихийно, и ее главным двигателем являются интересы сильных негосударственных акторов из США, Канады и Мексики. Часть этих акторов (например, связанных с автомобильным бизнесом) имеет сильные лobbистские возможности в органах власти. В отличие от модели ЕС, в рамках североамериканской модели приграничного сотрудничества отношение к интеграции с созданием трансграничных регионов довольно скептическое: такого рода идеи воспринимаются как умножение бюрократии и неэффективное расходование средств¹⁵.

Суть более молодой китайской модели заключается, в первую очередь, в создании свободных зон на границе с сотрудничающим государством, а также в предоставлении Центром особых полномочий, финансирования и приоритетных каналов для быстрой коммуникации избранным приграничным регионам¹⁶. Успешность реализации данной модели обеспечивается, в первую очередь, усилиями китайской стороны, располагающей огромным экономическим потенциалом и широкими возможностями для финансирования. Это ставит под вопрос возможность реализации данной модели странами с меньшим потенциалом и с другими системами управления. Еще одной проблемой китайской модели является контроль над расходованием выделенных средств, значительная часть которых может быть растратчена как региональными властями, так и коррумпированными зарубежными партнерами¹⁷.

¹¹ Blatter, J.; Clement, N.. Cross-Border Cooperation in Europe: Historical Development, Institutionalization, and Contrasts with North America // *Journal of Borderlands Studies*, 2000, Vol. 15, No. 1, pp. 15-53.

¹² См., например: Klatt, M.; Herrmann, H. Half Empty or Half Full? Over 30 Years of Regional Cross-Border Cooperation Within the EU: Experiences at the Dutch-German and Danish-German Border // *Journal of Borderlands Studies*, 2011, Vol. 26, No. 1, pp. 65-87.

¹³ Ibid.

¹⁴ См., например: Anderson, J. Partition, Consociation, Border-Crossing: Some Lessons from the National Conflict in Ireland/Northern

Ireland // *Nations and Nationalism*, 2008, Vol. 14, No. 1, pp. 85-104.

¹⁵ См., например: Blatter, J.; Clement, N.. Cross-Border Cooperation in Europe: Historical Development, Institutionalization, and Contrasts with North America // *Journal of Borderlands Studies*, 2000, Vol. 15, No. 1, pp. 15-53.

¹⁶ См., например: Zhao, S. China's Approaches toward Regional Cooperation in East Asia: Motivations and Calculations // *Journal of Contemporary China*, 2011, Vol. 20, No. 68, pp. 53-67.

¹⁷ См., например: Peyrouse, S.; Raballand, G. Central Asia: The New Silk Road Initiative's Questionable Economic Rationality // *Eurasian*

Под эгидой Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) поддерживаются многосторонние проекты в рамках «треугольников роста», основанные на слаженном применении имеющихся у участников взаимодополняющих ресурсов (например, сырья, производственных мощностей, рабочей силы и инвестиций)¹⁸. Определенного внимания заслуживает и опыт некоторых африканских государств – участников Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС): несмотря на скудность финансирования, им удалось добиться успехов в деле привлечения зарубежных грантов и их точечного использования для решения локальных экологических, медицинских и других проблем¹⁹.

За пределами упомянутых «моделей» приграничное сотрудничество, как правило, менее результативно. В Латинской Америке, несмотря на языковую близость населения сопредельных стран, сотрудничество нестабильно и относительно слабо институционализировано: сказываются высокая централизованность систем управления большинства государств региона, территориальные споры и политические противоречия²⁰. В случае с Россией серьезной проблемой является чрезмерный и забюрократизированный контроль Центра над внешними связями региона. Как представляется, данная проблема во многом связана с малоуспешным поиском центральными властями оптимального баланса между эко-

номической самостоятельностью субъектов приграничного сотрудничества и предотвращением использования упрощенных режимов ведения внешнеэкономической активности для массированного уклонения от уплаты таможенных пошлин и других махинаций²¹.

Наименее благоприятные условия для приграничного сотрудничества возникают в контексте длительных конфликтов между сопредельными странами, а также из-за гиперцентрализации системы управления в одной из них. Несмотря на мирное урегулирование между Израилем и Иорданией, в общественном мнении этих стран (особенно Иордании) отношение к перспективе расширения двусторонних связей довольно критическое, и потому приграничное сотрудничество сводится, в основном, к нескольким локальным проектам, которые не афишируются²². Приграничное сотрудничество КНДР малоэффективно из-за гиперцентрализации ее политической системы: почти любые переговоры даже по проектам локального уровня координируются чиновниками из Пхеньяна²³.

Феномен границы де-факто государства

Если руководствоваться предложенной С. Краснером классификацией видов суверенитета, то де-факто государства в лучшем случае обладают только его двумя видами – внутренним (монополией на использование

Geography and Economics, 2015, Vol. 56, No. 4, pp. 405–420.

¹⁸ См., например: Nadalutti, E. The Rise of Trans-Border Regions in Southeast Asia: Behind the Dynamics of Informal and Formal Integration Processes in the “Indonesia–Malaysia–Singapore” Growth Triangle // *The Pacific Review*, 2015, Vol. 28, No. 4, pp. 607–630.

¹⁹ См., например: Asiwaju, A.I. 2010. Cross-border Initiatives and Regional Integration in West Africa: The Nigerian Experience / *Nation-States and the Challenges of Regional Integration in West Africa: The Case of Nigeria*. Ed. by Y. Akinyeye. Paris: Karthala, 2010. Pp. 137–148.

²⁰ См., например: Iranzo, A.; Caballero, S. The Periphery at the Centre: An Analysis of Latin American Regionalism from the Borders // *Space and Polity*, 2020, Vol. 24, Issue 3, pp. 346–361.

²¹ См., например: Анимитца П.Е. Особые экономические зоны России: проблемы и особенности налогового регулирования // *Налогообложение*. 2012. № 12. С. 30–37 [Animitsa, P.E. Osobyie ekonomicheskie zony Rossii: problemy i osobennosti nalogovogo regulirovaniia (Russian Special Economic Zones: Problems and Specific Features of Tax Regulation) // *Nalogooblozhenie*, 2012, No. 12, pp. 30–37.]

²² Arieli, T. Borders of Peace in Policy and Practice: National and Local Perspectives of Israel-Jordan Border Management // *Geopolitics*, 2012, Vol. 17, No. 3, pp. 658–680.

²³ Golunov, S. The Russian – North Korean Borderland: A Narrow Border of Boundless Ambition / *Border Briefings* 2016, No. 1. Mode of access: https://www.academia.edu/24138601/The_Russian_North_Korean_Borderland_A_Narrow_Border_of_Boundless_Ambition.

Таблица 1.

Некоторые характеристики границ постсоветских де-факто государств*

Де-факто государство	Общая протяженность фактических границ (км)	Типы сопредельных политических образований	Специфические характеристики границ
Абхазия	408	Государство-патрон (Россия) и материнское государство (Грузия)	Горный ландшафт, для кросс-граничного сообщения в основном задействуются приморские коридоры. Имеет морскую де-факто границу.
Донецкая Народная Республика (ДНР)	Около 860 (вместе с границей ЛНР)	Государство-патрон (Россия), материнское государство (Украина), другое де-факто государство (ЛНР)	Равнинный ландшафт, имеет единственную на постсоветском пространстве границу с другим де-факто государством. Имеет морскую де-факто границу.
Луганская Народная Республика (ЛНР)	Около 860 (вместе с границей ДНР)	Государство-патрон (Россия), материнское государство (Украина), другое де-факто государство (ДНР)	Равнинный ландшафт, имеет единственную на постсоветском пространстве границу с другим де-факто государством
Республика Южная Осетия (РЮО)	440	Государство-патрон (Россия) и материнское государство (Грузия)	Горный ландшафт; кросс-граничное сообщение осуществляется, в основном, через границу с государством-патроном, хотя граница с материнским государством примерно в шесть раз длиннее и неподалеку от нее сосредоточена основная часть населения
Приднестровская Молдавская Республика (ПМР)	816	Материнское государство (Молдавия) и третья страна (Украина)	Не имеет границы с государством-патроном, поэтому граница с материнским государством играет главную коммуникационную роль. Материнское государство имеет в ПМР несколько де-факто эксклавов.

* Рассчитано по: Аваков: протяженность границы Украины с ДНР и ЛНР составляет 450 км / МК.ру, 24.03.2015. Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2015/03/24/avakov-protyazhennost-granicy-ukrainy-s-dnr-i-lnr-sostavlyayet-450-km.html>; Гончарук Т. Мы привыкли, что каждую ночь стреляют / OpenDemocracy, 21.07.2017. Режим доступа: <https://www.opendemocracy.net/ru/ato-donbas>. Автору не удалось обнаружить информацию о протяженности фактических границ ДНР и ЛНР в отдельности. Следует отметить, что ни Украина, ни де-факто республики не считают нынешнюю линию разграничения легитимной и претендуют на ее изменение.

Table 1. Some characteristics of the borders of post-Soviet de facto states

насилия в пределах своих территорий) и, отчасти, суверенитетом контроля над трансграничными потоками. В то же время, де-факто государства не обладают «вестфальским» суверенитетом (который заключается как в юридической, так и фактической независимости от властей более высокого уровня) и международно-правовым суверенитетом (то есть не удостоились международного признания)²⁴. Что касается границ,

то де-факто государства могут обеспечивать их целостность в тех случаях, когда баланс сил (собственный военный потенциал в сочетании с военным потенциалом союзников) складывается в их пользу и, в основном, способны контролировать трансграничные потоки людей и товаров. Вместе с тем, нелегитимность такого рода границ для материнского государства и большинства других стран мира ставит под сомнение не только неприкосновенность рубежей (в первую очередь, де-факто границы с материнским государством), но и легитимность трансгра-

²⁴ Krasner, S. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999.

ничных потоков. В самом деле, физическое пересечение границы участниками сотрудничества с де-факто государством может рассматриваться как нарушение суверенитета материнского государства и повлечь за собой односторонние или многосторонние санкции. Дефицит международной легитимности отражается не только на самих границах, но и на объектах, используемых для трансграничного сообщения. В частности, ни одно постсоветское де-факто государство не имеет международно признанных аэропортов, и сообщение с внешним миром происходит, в основном, через сухопутные границы.

Помимо дефицита легитимности, границы постсоветских де-факто государств обладают рядом специфических характеристик, часть которых показана в *Таблице 1*.

Таким образом, значительное большинство границ постсоветских де-факто государств – это границы либо с материнскими государствами, либо с «патронами». Именно явное преобладание этих двух типов границ в сочетании с вытекающими из дефицита международного признания проблемами довольно жестко определяют специфику приграничного сотрудничества постсоветских де-факто государств по сравнению с сотрудничеством признанных ООН государств: последние, чаще всего, не имеют столь жестких оппонентов, отрицающих само их право на существование, и столь явно не нуждаются в «покровителях» для выживания. Рассмотрим приграничное сотрудничество постсоветских де-факто государств с «патроном» (которым является Россия) и материнскими государствами подробнее.

Приграничное сотрудничество с государством-патроном

Стабильность такого рода сотрудничества имеет для большинства постсоветских де-факто государств ключевое значение, поскольку именно «патрон», как правило, является для них окном в мир. Упомянутое сотрудничество, в числе прочего, служит для обеспечения выполнения тех функций, которые эти республики как «малые государства» не в состоянии полноценно осуществлять

сами: речь идет, например, о телефонных и интернет-коммуникациях, оказании высоко-технологичной медпомощи и т.п.

И все же статус непризнанности остроумно отражается даже на приграничных контактах через дружественные границы. Пограничный и таможенный контроль между РФ и сопредельными де-факто государствами довольно жесток, в ряде случаев создавая помехи для перемещения через эти границы людей и товаров. Свою роль играет повестка безопасности, поскольку российская сторона опасается нелегальной миграции контрабанды и других разновидностей трансграничной преступности²⁵, не будучи уверенной в способности партнеров самостоятельно разрешить эти проблемы. Во время пандемии коронавируса границы с «патронами» стали восприниматься в контексте эпидемиологической угрозы уже в де-факто государствах. Наконец, препятствием для рассматриваемого сотрудничества ограниченность возможностей для привлечения партнеров из третьих стран, опасаящихся санкций со стороны собственных правительств, стран-патронов или могущественных западных государств.

Что касается российских приграничных регионов (в первую очередь, Краснодарского края и Северной Осетии), то примерно до второй половины 2000-х гг. они определяли свою политику по отношению к сопредельным де-факто государствам во многом самостоятельно вплоть до несанкционированных Москвой попыток вмешиваться во внутриполитическую жизнь непризнанных республик²⁶. После того как в 2008 г. РФ признала независимость Абхазии и Южной Осетии, Москва делегировала Краснодарскому краю и Северной Осетии особые полномочия для взаимодействия с сопредельными респу-

²⁵ См., например: Козлов П., Ракуль Е., Никольский А. Пограничники укрепляют границу Ростовской области с ДНР и ЛНР // Ведомости, 26.05.2015. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/05/27/593828-pogranichniki-ukreplyayut-granitsu-rostovskoi-oblasti-s-samoprovozglashennimi-respublikami>

²⁶ См., например: Андрухин А., Завадская С. Пытка мандаринами // Известия, 26.11.2004. Режим доступа: <https://iz.ru/586287/pytka-mandarinami>.

бликами. Представители власти приграничных регионов нередко проводят с властями данных республик переговоры от имени центра²⁷, через эти регионы проходит распределение значительной части финансовой помощи, их медицинские учреждения принимают остро нуждающихся в получении высокотехнологичной медицинской помощи жителей сопредельных территорий.²⁸ Данная конфигурация отчасти напоминает механизм усиления центром роли избранных регионов в рамках китайской модели приграничного сотрудничества, однако в российском случае такое сотрудничество носит гораздо более политизированный характер и в меньшей степени определяется соображениями экономической рентабельности.

Приграничное сотрудничество России с соседними де-факто государствами имеет и ряд других типичных черт. Одной из них является доминирование в нем российских регионов, которые, даже будучи взятыми отдельно от центра, обладают заметно большим экономическим и другим потенциалом по сравнению со своими партнерами. Далее, заметную роль в сотрудничестве играют различного рода формальные мероприятия (официальные визиты, памятные и спортивные мероприятия и т.п.), призванные продемонстрировать политическую солидарность партнеров. Во всех случаях значительна роль неформальных кросс-границных контактов и практик (например, неформальной торговли), которые, зачастую, оказываются эффективнее и динамичнее официально санкционированных проектов.

Вместе с тем, сотрудничество РФ с сопредельными де-факто государствами в конкретных случаях имеет свою специфику, ко-

торая заключается в особенностях истории развития кросс-границных взаимодействий, степени признания Россией субъектности партнеров и вытекающем отсюда статусе отношений сотрудничества, а также в особенностях приоритетов и потенциалов сотрудничающих сторон.

Характер взаимодействия Краснодарского края с Абхазией и Северной Осетией с Южной в 1990-х и отчасти в 2000-х гг. во многом определялся интересами соответствующих российских региональных элит, с которыми, в случае отношений между Южной Осетией и Северной Осетией, сочетался фактор этнокультурной солидарности разделенного осетинского народа. Как уже отмечалось выше, со временем контроль центра над отношениями соответствующих регионов с де-факто государствами усилился, однако регионы, все-таки, сохранили определенные полномочия для осуществления приграничного сотрудничества (заключение соглашений, проведение мероприятий, поощрение коммерческих связей и т.п.) и при этом стали инструментами реализации определенных аспектов политики центра.

Что касается сотрудничества Ростовской области с ДНР и ЛНР, то сложившаяся ныне система контактов (в том числе и неафишируемых) между властями и другими участниками была отчасти выстроена в тот период, когда Украина осуществляла над данными территориями эффективный контроль. Становлению региональных кросс-границных сетевых связей в данном случае способствовала попытка внедрения европейской модели приграничного сотрудничества, вылившаяся в создание еврорегиона «Донбасс» в 2010-2011 гг. Хотя намеченные планы развития еврорегиона остались во многом нереализованными, его деятельность способствовала интенсификации контактов между представителями власти различных уровней, в том числе и уровня приграничных районов²⁹.

²⁷ См., например: Президент Абхазии одобрил назначение А. Ткачева спецпредставителем Президента РФ // Независимая газета, 21.03.2012. Режим доступа: https://www.ng.ru/cis/2012-03-21/7_abkhazia.html?id_user=Y

²⁸ См., например: Зантария Р. Минздравы Абхазии и Краснодарского края договорились о более тесном сотрудничестве // Sputnik Абхазия, 2.04.2019. Режим доступа: <https://sputnik-abkhazia.ru/society/20190402/1027001439/Minzdravy-Abkhazii-i-Krasnodarskogo-kraya-dogovorilis-o-bolee-tesnom-sotrudnichestve.html>

²⁹ Бредихин А.В. Донецко-Макеевская агломерация: пути развития приграничного сотрудничества // Альманах Казачество, 2016. Т. 6. № 19. С. 12-17. [Bredikhin, A.V. Donetsk-Makeevskaya aglomeratsiya: puti razvitiia prigranichnogo sotrudnichestva (Donetsk-

Любопытно, что некоторые активисты, выступавшие за углубление региональной интеграции по европейской модели, впоследствии вошли в состав руководства непризнанных республик³⁰.

Важными факторами сотрудничества также являются степень формального признания Россией статуса партнеров и риски подвергнуться санкциям третьих стран за открытое присутствие на территории де-факто государств. Абхазия и Южная Осетия официально признаны РФ в качестве независимых государств, тогда как ДНР и ЛНР такого признания не удостоились. В то время как для сотрудничающих с Абхазией и Южной Осетией акторов угроза подвергнуться широкомасштабным западным санкциям относительно невелика, в случаях с ДНР и ЛНР такая угроза (учитывая осуществляемые с 2014 г. США и ЕС санкционные меры в связи с конфликтом вокруг Украины) гораздо серьезнее.

Неудивительно, что приграничное сотрудничество регионов РФ с Абхазией и Южной Осетией легитимизируется многочисленными официальными мероприятиями и визитами и рядом соглашений³¹, включая в себя прямые контакты между довольно широким кругом предприятий и организаций. Спектр же форм приграничного сотрудничества РФ с ДНР и ЛНР гораздо уже, сводясь к оказанию российской

стороной гуманитарной помощи непризнанным республикам, отдельным важным инфраструктурным проектам (в частности, с Украины на Ростовскую область были довольно быстро переключены телефонная и интернет-связь³²), оказанию российской стороной гуманитарной помощи, российскому содействию в получении жителями двух де-факто республик высококвалифицированной медицинской помощи и образования³³, неофициальному участию представителей сопредельных территорий в ряде праздничных, спортивных и других мероприятий³⁴ и т.п. При этом велика роль неафишируемых и неформальных контактов, а значительная часть коммерческих сделок (например, при поставках из ДНР и ЛНР угля и сельскохозяйственной продукции или поставках металлических изделий из Ростовской области) во избежание санкций осуществляются через посредников³⁵.

Что касается экономических и демографическими потенциалов и географических условий сопредельных территорий, то наи-

Makiivka Agglomeration: Pathways of Cross-Border Cooperation) // *Al'manakh Kazachestvo*, 2016, Vol. 6, No. 19, pp. 12-17.]

³⁰ Ibid.

³¹ См., например: Соглашение между Правительством Республики Южная Осетия и Правительством Республики Северная Осетия-Алания (Российская Федерация) о социально-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве (26.11.2013). Режим доступа: http://economyrso.org/files/Soglashenie_mezhdu_Pravitelstvom_RYUO_i_Pravitelstvom_RSO-A_RF_o_sotcialno-ekonomicheskom_nauchno-tehnicheskom_i_kulturnom_sotrudnichestve.PDF; Соглашение № 24 между администрацией Краснодарского края (Российская Федерация) и Правительством Республики Абхазия о торгово-экономическом, научно-техническом, гуманитарном и культурном сотрудничестве от 28 июля 2009 года.

³² См., например: Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения: научный доклад / под ред. А.В. Половяна и Р.Н. Лепы. Донецк-Москва: Институт экономических исследований 2017. С. 37-38. [Ekonomika Donetskoi Narodnoi Respubliki: sostoianie, problemy, puti resheniia: nauchnyi doklad (Economy of the Donetsk People's Republic: State, Problems, Solutions) / ed. by A.V. Polovian i R.N. Lepa. Donetsk-Moskva: Institut ekonomicheskikh issledovani, 2017. Pp. 37-38.]

³³ См., например: ЕГЭ впервые проведут в ДНР в 2021 году // ТАСС, 25.01.2021. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/10541801>; Минздрав Республики в очередной раз отправил детей на лечение в Российскую Федерацию // Министерство здравоохранения Луганской Народной Республики, 26.08.2016. Режим доступа: <https://mzlnr.su/2016/08/26/dvoe-malyshej-sporokom-serdca-poluchat-pomoshh-v-moskve/>

³⁴ См., например: Клуб из ДНР примет участие в российском турнире по футболу // Известия, 21.09.2016. Режим доступа: <https://iz.ru/news/633464>

³⁵ См., например: Васильев И., Грузинова И., Бушлакова Е. Кто и как зарабатывает на поставках продуктов в ДНР и ЛНР // Ведомости. 20.02.2017. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/02/20/678337-zarabativat-postavkah-dnr-lnr>

менее благоприятны условия для сотрудничества между Северной и Южной Осетией; учитывая, что их близлежащие к границе районы малонаселены и расположены в высокогорье. Аналогичные проблемы характерны и для большей части российско-абхазского пограничья, за исключением прилегающей к побережью зоны. Наибольшим потенциалом для приграничного сотрудничества среди рассматриваемых де-факто государств обладают ЛНР и особенно ДНР, однако это сотрудничество серьезно затрудняется уже упомянутыми факторами непризнания и угрозы санкций.

Наконец, существенную роль играет совместимость экономических специализаций российских регионов и сопредельных де-факто государств. В условиях невысокого экономического потенциала Южной Осетии приоритетные направления ее сотрудничества с Северной Осетией в официальных документах были определены как интеграция систем гидроэнергетики и газораспределительной инфраструктуры, развитие дорожной и телекоммуникационной инфраструктуры, поставки североосетинского продовольствия, Южной Осетии в сферах образования и здравоохранения, мероприятия по сохранению осетинского языка и культурного наследия и поддержка малого и среднего бизнеса³⁶. Более масштабно и разнообразно приграничное сотрудничество РФ с Абхазией, характер которого, во многом определяется значимостью абхазского рекреационного потенциала (республика принимает порядка 1 млн российских туристов в год³⁷), что де-

лает особенно важным сотрудничество по вопросам облегчения пропускного режима через границу, координации работы транспортных, взаимодействия между туристическими предприятиями. В канун сочинской зимней олимпиады 2014 г. крупным проектом сотрудничества стали поставки абхазских стройматериалов для развития олимпийской и другой инфраструктуры³⁸. Важными направлениями сотрудничества стали также участие краснодарских строительных организаций в восстановлении абхазской инфраструктуры, систематическое оказание краснодарскими учреждениями здравоохранения помощи абхазским пациентам, материальная поддержка краем культурного наследия соотечественников и рядом объектов абхазской образовательной инфраструктуры и подготовка в крае высококвалифицированных специалистов для республики и совместное производство сельхозпродукции³⁹.

Приграничное сотрудничество с материнскими государствами

Неблагоприятные политические условия, как правило, сводят к минимуму приграничное сотрудничество де-факто государств с материнскими. При отсутствии доверия между сторонами даже внешне взаимовыгодные инициативы не без оснований воспринимаются потенциальными партнерами в алармистском ключе. Материнские государства опасаются, что сотрудничество укрепляет «сепаратистские режимы» и способствует их легитимизации на международной арене, тогда как де-факто государства усматривают в поступающих им предложениях развивать сотрудничество стремление материнских государств осуще-

³⁶ См., например: Взаимодействие Республики Северная Осетия-Алания с Республикой Южная Осетия // Министерство экономического развития Республики Северная Осетия-Алания. Режим доступа: <http://economy.alania.gov.ru/sites/economy/files/media/pages/inline-files/ves%204.2.1..pdf>

³⁷ См., например: Есиава Б. За миллион: число туристов в Абхазию выросло по сравнению с 2018 годом // Sputnik Абхазия. 21.10.2019. Режим доступа: <https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20191021/1028660636/Perevalit-zamillion-chislo-turistov-v-Abkhaziyu-vyroslo-na-10-v-2019-godu.html><https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20191021/1028660636/Perevalit-zamillion-chislo-turistov-v-Abkhaziyu-vyroslo-na-10-v-2019-godu.html>

[million-chislo-turistov-v-Abkhaziyu-vyroslo-na-10-v-2019-godu.html#](https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20191021/1028660636/Perevalit-zamillion-chislo-turistov-v-Abkhaziyu-vyroslo-na-10-v-2019-godu.html)

³⁸ См., например: Безменов А. Южный поток // Российская газета. 7.10.2009. Режим доступа: <https://rg.ru/2009/10/07/reg-jugrossii/abkhazia.html>

³⁹ См., например: Соглашение № 24 между администрацией Краснодарского края (Российская Федерация) и Правительством Республики Абхазия о торгово-экономическом, научно-техническом, гуманитарном и культурном сотрудничестве от 28 июля 2009 года.

ствить «ползучую реинтеграцию» отделившихся территорий⁴⁰. При этом сотрудничество все же дает сторонам определенные выгоды, которых они лишаются, полностью отказываясь от него.

В первые годы после прекращения сепаратистских вооруженных конфликтов приграничные связи молодых де-факто государств со своими материнскими государствами развивались по сходному сценарию. В первую очередь, речь шла о соблюдении режима прекращения огня; позже начинались переговоры о частичном возобновлении разрушенных в советский период экономических связей, восстановлении трансграничной инфраструктуры и развитии связей в новых условиях⁴¹. Параллельно восстанавливалась и неформальная приграничная торговля. Если контакты Молдавии с ПМР перешли на более высокую стадию, то связи Грузии с Абхазией и Южной Осетии после некоторого прогресса практически вернулись в прежнее состояние после войны 2008 г. В зачаточном состоянии остаются и связи Украины с ЛНР и ДНР, пока сводящиеся, в первую очередь, к предотвращению вооруженных инцидентов, обеспечению функционирования пунктов пропуска (в первую очередь, в интересах получающих украинские пенсии жителей де-факто республик⁴²) и неформальной торговле с широким участием посредников (официально торговля была запрещена Киевом в 2017 г.⁴³). Одним из

самых значимых актов сотрудничества между Украиной и де-факто республиками стало состоявшееся в конце 2019 г. открытие восстановленного моста через реку Северский Донец, разделяющую столицу ЛНР г. Луганск и контролируемый украинскими властями поселок Станица Луганская. Показательно, что ширина моста была сужена для того, чтобы исключить возможность проезда танков⁴⁴.

Со второй половины 1990-х временно интенсифицировалось грузино-южноосетинское приграничное сотрудничество. Его двигателем стала торговля между РФ и Грузией через Южную Осетию, осуществлявшаяся через приграничный рынок в грузинском поселке Эргнети и во многих случаях сопровождавшейся массированным уклонением от уплаты таможенных пошлин. В этой торговле прямо или косвенно участвовал широкий круг акторов, включая коррумпированных официальных лиц⁴⁵. Оценки проходившего через Эргнети ежегодного товарооборота примерно в 10 раз превышали аналогичные оценки товарооборота через грузинско-абхазскую де-факто границу⁴⁶. В последнем случае сотрудничество развивалось гораздо менее динамично, что

⁴⁰ Caspersen, N. *Unrecognized States. The Struggle for Sovereignty in the Modern International System*. Cambridge, UK: Polity, 2012.

⁴¹ См., например: Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта, подписанное 4 апреля 1994 года. Документ ООН S/1994/397. Режим доступа: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/GE_940404_DeclarationOnMeasuresForPoliticalSettlementGeorgianAbkhazConflict%28ru%29.pdf; Бродяда Н. Восстанавливается экономическое сотрудничество // Независимая газета. 26.09.1997.

⁴² См., например: Украина вводит ограничения в пунктах пропуска, заявили в ДНР // РИА Новости. 15.03.2020. Режим доступа: <https://ria.ru/20200315/1568638310.html>

⁴³ Украина полностью закрыла грузовое транспортное сообщение с ДНР и ЛНР // РБК. 15.03.2017. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/15/03/2017/58c90af09a7947ca11013646>

⁴⁴ Мищенко О. На линии разграничения у Станицы Луганской восстановлен мост // Deutsche Welle. 20.11.2019. Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/на-линии-разграничения-у-станц-луганской-восстановлен-мост/a-51337709>

⁴⁵ См., например: Kemoklidze, N.; Wolff, S. Trade as a Confidence-building Measure in Protracted Conflicts: The Cases of Georgia and Moldova Compared // *Eurasian Geography and Economics*, 2019, Vol. 61, No. 3, pp. 305-332; Mirmanova, N. Between Pragmatism and Idealism: Businesses Coping with Conflict in the South Caucasus / *International Alert*. 2006. Mode of access: https://www.international-alert.org/sites/default/files/publications/28_section_2_South_Caucasus.pdf

⁴⁶ Рассчитано автором на основе данных из работ: Kemoklidze, N.; Wolff, S. Trade as a Confidence-building Measure in Protracted Conflicts: The Cases of Georgia and Moldova Compared // *Eurasian Geography and Economics*, 2019, Vol. 61, No. 3, pp. 305-332; Mirmanova, N. Between Pragmatism and Idealism: Businesses Coping with Conflict in the South Caucasus / *International Alert*. 2006. Mode of access: https://www.international-alert.org/sites/default/files/publications/28_section_2_South_Caucasus.pdf

во многом было связано с подозрительным отношением Сухуми к его основной движущей силе – преобладавшим в приграничном Гальском районе этническим мингрелам (грузинам), подспудно воспринимавшимся в качестве «пятой колонны» материнского государства. Вместе с тем, вынужденное абхазско-грузинское сотрудничество в деле поддержания работы трансграничной Ингурской ГЭС (игравшей ключевую роль в энергоснабжении как Абхазии, так и Грузии) оказалось устойчивым и не разрушилось в условиях даже самой неблагоприятной политической конъюнктуры⁴⁷. Нетипичный для грузино-абхазской границы феномен успешного сотрудничества для поддержания работы объекте дает основание в духе упомянутой концепции О. Мартинеса называть Ингурскую ГЭС «островом взаимозависимости» на «границе отчуждения».

В случаях как с Абхазией, так и с Южной Осетией значительный ущерб развитию приграничного сотрудничества сыграла попытка пришедшего к власти в 2004 г. грузинского президента М. Саакашвили использовать политику «кнута и пряника» для форсированной реинтеграции. С одной стороны, под предлогом борьбы с преступностью и коррупцией и для оказания давления на Южную Осетию, Саакашвили принял решение закрыть рынок в Эргнети, с другой – предложил абхазскому и южноосетинскому населению бесплатную медицинскую помощь, инфраструктурные проекты и создание свободных экономических зон у границы.⁴⁸ Такие инициативы были восприняты в Сухуме и Цхинвале как попытки «ползучей оккупации», а последовавшая далее эскалация и война 2008 г. побудили Абхазию и Северную Осетию свести любые контакты с Грузией к минимуму: предотвращению вооруженных инцидентов, дозированному кросс-граничному сообщению для

местного грузинского населения, в абхазском случае – также к поддержанию работы Ингурской ГЭС. Подобно кейсу израильско-иорданского сотрудничества, редкие конструктивные контакты с грузинской стороной в Абхазии и Южной Осетии обычно не афишируются.

Со своей стороны, потерпевшая военное поражение Грузия сочла мирную и долгосрочную реинтеграцию с упором на восстановление экономических связей и налаживание отношений с абхазским и южноосетинским населением единственным реалистичным способом восстановления своего суверенитета в долгосрочной перспективе. Попытки Тбилиси установить рабочие контакты с властями Абхазии и Южной Осетии теперь оказались почти безуспешными, хотя, в случае с Абхазией был, все же, налажен механизм взаимодействия через посредников, заключавшийся в поставках лекарств и другой гуманитарной помощи под эгидой ряда авторитетных международных организаций⁴⁹. Несколько более успешной оказалась попытка Тбилиси вовлечь в свои гуманитарные инициативы население де-факто государств, включая не только грузинские этнические меньшинства в этих республиках, но также этнических абхазов и осетин. От сотен до тысяч жителей Абхазии и Южной Осетии в год стали получать бесплатную медицинскую помощь в рамках специальной программы⁵⁰, сопровождавшейся строительством новых медучреждений, в частности современного госпиталя в расположенной неподалеку от границы деревне Рухи. Менее успешными, однако, оказались грузинские усилия вовлечь абхазское и южноосетинское население

⁴⁷ См., например: Margvelashvili, M. Enguri HPP and Energy Supply to Abkhazia. World Experience for Georgia, 2017. Mode of access: <http://weg.ge/sites/default/files/enguri-hpp-and-energy-supply-to-abkhazia-1.pdf>

⁴⁸ Saakashvili Outlines Tbilisi's Abkhaz Initiatives / Civil.ge, 28.03.2008. Mode of access: <https://civil.ge/archives/114633>

⁴⁹ Report on the implementation activities in 2017 / Government of Georgia. 2017. Mode of access: https://smr.gov.ge/uploads/prev/2017_Report_6ff9b4fb.pdf. В числе прочего, такая помощь сыграла для Абхазии значительную роль в период пандемии COVID-19. См., например: De Waal Th. Can the Coronavirus Reset the Abkhazia Conflict? / Carnegie Europe. 2.04.2020. Mode of access: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/81436>

⁵⁰ Activity Report 2018 / Government of Georgia. Mode of access: https://smr.gov.ge/uploads/prev/Report_201_771641a4.pdf.

в сотрудничество в других сферах, включая приграничную торговлю, туризм и образование⁵¹.

Наиболее эффективным и устойчивым к неблагоприятной политической конъюнктуре оказалось приграничное сотрудничество между Молдавией и Приднестровьем. Свою роль сыграло то, что молдавско-приднестровский конфликт не усугублялся выраженными межэтническими противоречиями, а страна-патрон (Россия) не граничила с де-факто государством и, соответственно, не могла быть для него ключевым партнером по приграничному сотрудничеству. Кроме того, Молдавия изначально взяла устойчивый курс на реинтеграцию мирными методами, среди которых развитию сотрудничества отводилось ключевое место.

Закономерно, что уже с середины 1990-х стал набирать силу процесс институционализации молдавско-приднестровского сотрудничества, которое было подкреплено вступлением в силу десятков совместных документов (прежде всего, протоколов), а также созданием постоянно действующих совместных органов. Первыми (в 1994-96 гг.) стали протоколы о порядке взаиморасчетов, борьбе с преступностью, восстановлении мостов, свободном движении транспорта, образовании, взаимодействии карантинных и фитосанитарных служб, связи и таможенным проблемам⁵². Позже были подписаны протоколы о сотрудничестве по санитарно-эпидемиологическим вопросам; молодежным обменам; взаимодействию в областях медицины (включая направление приднестровских пациентов на лечение в Молдавию), охраны окружающей среды, гидроэнергетики, трансграничного распро-

странения прессы, связи, регулирования приграничного землепользования, транспортных перевозок, ремонта инфраструктуры и т.п. Были созданы совместные органы, которые регулярно обсуждали возникавшие проблемы. Основная часть официальных решений по сотрудничеству принималась на уровне республик, тогда как контакты между нижестоящими административно-территориальными образованиями сводились, в основном, к взаимным приглашениям деятелей культуры и спортсменов на соответствующие мероприятия⁵³.

Побочным эффектом расширения молдавско-приднестровского приграничного сотрудничества стало возникновение проистекавших из главного конфликта вокруг политического статуса Приднестровья большое количество мелких конфликтов, а также неисполнение значительной части заключенных договоренностей. В числе возникших проблем можно упомянуть периодическое ужесточение сторонами контроля над пересечением де-факто границы и над периметром международно признанных границ Молдавии⁵⁴, возникновение инцидентов в связи с локальными территориальными спорами⁵⁵, перекрытия подачи электроэнергии⁵⁶, молдавское требование сертифицировать отправляемые через нее на экспорт

⁵³ См., например: В преддверии Старого Нового года в Дубоссарах прошел юбилейный фестиваль новогодних обрядов / Дубоссары. Официальный сайт. 13.01.2020. Режим доступа: <http://www.dubossary.ru/news-9713>

⁵⁴ См., например: Балахнова В. Приднестровье закрыло границы. Для кого сделают исключение? // NewsMaker. 16.03.2000. Режим доступа: <https://newsmaker.md/rus/novosti/pridnestrovezakrylo-granitsy-dlya-kogo-sdelayut-isklyuchenie>; Украина не открывает границу с Приднестровьем, действуя по указке Молдавии // REGNUM. 4.06.2020. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2972195.html>

⁵⁵ См., например: Соловьев В. Приднестровье собирается с селами // Коммерсантъ. 14.06.2013. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2210821>

⁵⁶ Приходко Н., Байкова Е. Экономическому противостоянию Кишинева и Тирасполя способствуют западные структуры // Независимая газета. 24.07.2003. Режим доступа: http://www.ng.ru/cis/2003-07-24/5_moldavia.html

⁵¹ См.: Report on the implementation activities in 2017 / Government of Georgia. 2017. Mode of access: https://smr.gov.ge/uploads/prev/2017_Report_6ff9b4fb.pdf

⁵² С соответствующими документами можно ознакомиться на сайте Министерства иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики. Режим доступа: <http://mfa-pmr.org/ru/node/7253> (документы за 1994 г.), <http://mfa-pmr.org/ru/node/7254> (документы за 1995 г.) и <http://mfa-pmr.org/ru/node/7255> (документы за 1996 г.).

приднестровские товары⁵⁷, перекрытие приднестровской стороной железнодорожного сообщения⁵⁸ и т.п. Многие из этих вопросов были, все же, со временем решены в компромиссном ключе.

Со второй половины 2000-х гг. все более важным фактором формирования молдавско-приднестровского сотрудничества становилась политика ЕС, продвигавшего элементы своей модели приграничного сотрудничества для урегулирования конфликтов.

Конкретные шаги осуществлялись ЕС, прежде всего, в рамках курса на реализацию «мер по укреплению доверия» между Кишиневом и Тирасполем и компенсационных мер, призванных смягчить негативную реакцию Тирасполя на действия Миссии Европейского союза по приграничной помощи Молдавии и Украине (EUBAM) по регулированию всего периметра международно признанных границ Молдавии (что создало значительные препятствия для приднестровской внешней торговли). В числе связанных с пограничным менеджментом приоритетов EUBAM фигурировали, в частности, упрощение движения транспорта и формальностей взаимной торговли, сближение правовой базы и организация совместных действий против контрабанды⁵⁹. Более широким оказался круг приоритетов мер по укреплению доверия, включая поддержку сотрудничества между неправительственными организациями, секторами здравоохранения, образования и СМИ; поддержку местных инициатив развития, совместное развитие культуры и исторического наследия и т.п.⁶⁰ Подобного рода инициативы не

привели к разрешению многочисленных молдавско-приднестровских противоречий, но создали дополнительные, в том числе материальные и политические, стимулы для приграничного сотрудничества.

Другие границы

Две границы рассматриваемых постсоветских де-факто государств являются «нетипичными случаями: они не относятся ни к одной из двух ранее рассмотренных категорий. Де-факто граница ПМР с Украиной разделяет непризнанную республику и «третью» (то есть не относящуюся ни к материнским государствам, ни к «патронам») страну, а линия разграничения между ДНР и ЛНР является единственной на постсоветском пространстве границей между самими де-факто государствами.

Граница между ПМР и Украиной

Украина, имеет границу как с «собственно Молдавией», так и с ПМР; с последней граничат два украинских региона – Одесская (на которую приходится основная часть границы) и Винницкая области. Украина – один из ключевых участников процесса урегулирования приднестровского конфликта. По крайней мере с середины 2000-х гг. она занимает в основном, промолдавскую позицию⁶¹, согласившись, в частности, на ужесточение контроля над своим участком границы с Приднестровьем в рамках уже упомянутой миссии EUBAM и с размещением на своей территории совместных с Молдавией контрольно-пропускных пунктов 2017 г.

Одесская область является ключевым регионом не только для экономических, но

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Демиденский В. Молдавия и Приднестровье начали вторую рельсовую войну // Коммерсантъ. 04.08.2004. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/494870>

⁵⁹ EU Border Assistance Mission to the Republic of Moldova and Ukraine (EUBAM) / EU Neighbours. Mode of access: <https://www.euneighbours.eu/en/east/stay-informed/projects/eu-border-assistance-mission-republic-moldova-and-ukraine-eubam>

⁶⁰ Confidence-Building Measures across the river Nistru/Dniester / Council of Europe. Mode of access: <https://www.coe.int/en/web/>

chisinau/confidence-building-measures-across-the-river-nistru/dniester/-/asset_publisher/sCMGySdz2KII/content/cbm-programme-overview-1?inheritRedirect=false

⁶¹ Ростовецкая Т.В. Украина в приднестровском урегулировании (1992-2014 гг.) // Управленческое консультирование. 2015. № 2. С. 158-164 [Rostovetskaia, T.V. Ukraina v pridnestrovskom uregulirovanii (1992-2014 gg.) (Ukraine in the Transnistrian Settlement (1992-2014)) // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2015, No. 2, pp. 158-164.]

и для политических контактов Украины с Приднестровьем. Одесса не раз становилась площадкой для переговоров по урегулированию приднестровского конфликта, там же расположена штаб-квартира ЕУВАМ. При этом в контексте начавшегося конфликта вокруг Украины в восприятии сторонами друг друга появились алармистские мотивы: часть политиков стала воспринимать сопредельную сторону в качестве плацдарма, который мог быть использован потенциальным противником для военного вторжения⁶².

В экономическом плане Одесская область также играет для ПМР важнейшую роль как транзитная территория для автомобильных, железнодорожных и морских перевозок и поставок газа, привлекательный центр оптовой торговли и туристическая дестинация. В 2011 г. власти ПМР предлагали РФ и Украине проект создания свободной экономической зоны (еврорегиона) на базе ПМР и Одесской области с упором на развитие транспортной инфраструктуры, включая Тираспольский аэропорт, порты Одесской области и трансграничную автомагистраль⁶³. Данный проект не получил, однако, поддержки и утратил свою актуальность в связи с конфликтом 2014 г.

Формальные контакты между Одесской областью и ПМР ограничены и практически не освещаются в официальных медиа. Вместе с тем, ряд вопросов, включая взаимодействие пунктов пропуска, автобусные и железнодорожные перевозки и т.п., требуют поддержания довольно интенсивных рабочих контактов между сторонами, информация о которых в самом общем виде иногда появляется в СМИ⁶⁴. Даже в неблагоприят-

ных политических условиях в конце 2014 г. активно обсуждался вопрос о поставках в Одесскую область электричества из ПМР⁶⁵, а в период губернаторства М. Саакашвили, при всем его алармистском восприятии ПМР, предпринимались шаги для улучшения пропускной способности границы⁶⁶.

Ограниченность контактов между органами власти не является непреодолимым препятствием для сотрудничества между прочими акторами. В частности, приднестровские сельхозпредприятия сотрудничают с одесскими и другими украинскими научно-исследовательскими центрами по внедрению в ПМР новых злаковых культур⁶⁷, а спортсмены и творческие коллективы из ПМР и Одесской области принимают участие в соответствующих мероприятиях на сопредельной территории. К систематическому приграничному сотрудничеству проявляют интерес некоторые предприниматели⁶⁸, а Одесская область является довольно привлекательным для приднестровцев направлением для шоппинга⁶⁹.

boyatsya-drug-druga-iz-za-sluhov-glava-oga-21538.html

⁶⁵ Электричество для Одесской области власти хотят покупать у непризнанного Приднестровья / Трасса Е-95. 10.12.2014. Режим доступа: <http://trassae95.com/jug/search/2014/12/10/elektrichestvo-dlya-odesskoj-oblasti-vlasti-hotyat-pokupatj-u-nepriznannogo-pridnestrovjya-19147.html>

⁶⁶ Кравченко Е. Саакашвили на таможенном пункте «Кучурган» решал вопросы с «непонятными металлическими штуками» // Odessa Daily. 13.01.2016. Режим доступа: <http://odessa-daily.com.ua/news/saakashvilina-tamozhennom-punkte-kuchurgan-reshal-voprosy-s-neponyatnymi-metallicheskimishtukami-video-id82905.html>

⁶⁷ О новых направлениях в сельском хозяйстве Приднестровья / Приднестровская Молдавская Республика. Официальный сайт Правительства. 30.06.2016. Режим доступа: <http://mail.gov-pmr.org/item/7143>

⁶⁸ См., например: Туризм – драйвер экономики / Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики. 11.10.2019. Режим доступа: <http://www.vspmr.org/news/supreme-council/turizm-drayver-ekonomiki.html>

⁶⁹ Одесскому Промтоварному рынку «7 километр» – 30 лет! // 048.ua. 24.12.2019. Режим доступа: <https://www.048.ua/news/2613796/odesskomu-promtovarnomu-rynku-7-kilometr-30-let>

⁶² См., например: Гамова С. В Тирасполе ждут нападения с юга Украины // Независимая газета. 07.08.2014. Режим доступа: https://www.ng.ru/cis/2014-08-07/1_tiraspol.html

⁶³ Гамова С. Тирасполь дрейфует в сторону Одессы // Независимая газета. 15.01.2012. Режим доступа: https://www.ng.ru/cis/2013-01-15/6_tiraspol.html

⁶⁴ Жители Одесской области и жители Приднестровья боятся друг друга из-за слухов - глава ОГА / Трасса Е-95. 19.03.2015. Режим доступа: <http://trassae95.com/jug/search/2015/03/19/zhiteli-odesskoj-oblasti-i-zhiteli-pridnestrovjya->

Граница между ДНР и ЛНР

Данная граница разделяет территории, которые давно были тесно связаны друг с другом в экономическом, социальном и политическом плане еще до произошедшего в 2014 г. фактического отделения от материнского государства. Однако, несмотря на тесные связи, а также на военно-политическую солидарность между непризнанными республиками, их общая граница вопреки многочисленным ожиданиям, отнюдь не стала прозрачной. Уже в первый год существования данных республик на данной границы появились пункты таможенного контроля, что официально обосновывалось необходимостью защиты более слабой промышленности ЛНР, а неофициально – контролем за оборотом оружия и распределением гуманитарной помощи из РФ, а также борьбой с контрабандой и другими видами преступности⁷⁰. При этом жесткие ограничительные нормы были установлены даже для мелких партий продуктов: например, до 3 кг мяса и молока⁷¹.

Несмотря на периодические официальные заявления представителей двух республик о намерении снять таможенный контроль, этого сделано не было. Противоречия по поводу режима контроля над границей обострились на фоне коронавирусной пандемии 2020 г., поскольку ЛНР предпочла гораздо более либеральный подход к пересечению границы, чем ДНР⁷². В результате, по состоянию на апрель 2021 г., граница между ДНР и ЛНР оставалась закрытой для пересечения обычными путешественниками.

Наряду с этим, властями ДНР и ЛНР были предприняты определенные меры по

стимулированию кросс-границных контактов. Проводятся официальные мероприятия научного, культурного, спортивного, культурного и мемориального характера⁷³, налажено сотрудничество почтовых служб. Наиболее заметным шагом к экономической интеграции стало создание Трансграничного концерна «Железные дороги Донбасса» в июле 2019 г.⁷⁴ Властями республик предпринимаются определенные меры и по стимулированию кросс-границного пассажирского сообщения: в частности, в 2020 г. некоторым категориям жителей было предоставлено право на льготный проезд на таких маршрутах⁷⁵. Тем не менее, в соответствии с классификацией О. Мартинеса, границу между ДНР и ЛНР можно отнести к границам сосуществования без серьезных признаков углубляющихся отношений взаимозависимости.

Заключение

В значительном большинстве рассмотренных случаев приграничное сотрудничество постсоветских де-факто государств не отличается успешностью и динамизмом. Свою роль играют сложные политические отношения со значительной частью сопредельных легитимных государств (в особенности, с материнскими государствами) нелегитимность де-факто границ для значительной части партнеров, ограниченность потенциалов де-факто государств и восприятие их как потенциального источника угроз и нестабильности даже со стороны дружественных государств-патронов и (в слу-

⁷⁰ См.: например: Махов Е. Граница между ЛНР и ДНР с годами всё неприступнее // Военное обозрение. 5.10.2020. Режим доступа: <https://topwar.ru/175683-granica-mezhdu-lnr-i-dnr-s-godami-vse-nepristupnee.html>

⁷¹ Гальская О. Таможни между ДНР и ЛНР теперь нет! // Комсомольская правда. 1.02.2018. Режим доступа: <https://www.donetsk.kp.ru/daily/26789/3823382>

⁷² Махов Е. Граница между ЛНР и ДНР с годами всё неприступнее // Военное обозрение. 5.10.2020. Режим доступа: <https://topwar.ru/175683-granica-mezhdu-lnr-i-dnr-s-godami-vse-nepristupnee.html>

⁷³ См., например: В Республике начал работу VI Международный научный форум – Минобрнауки / Правительство Донецкой Народной Республики. 26.05.2020. Режим доступа: <https://pravdnr.ru/news/v-respublike-nachal-rabotu-vi-mezhdunarodnyj-nauchnyj-forum-minobrnauki>

⁷⁴ Трансграничный концерн «Железные дороги Донбасса». 25.07.2019. Режим доступа: <https://tkzhd.ru/o-koncerne>

⁷⁵ Правительством инициировано возобновление права граждан на льготный проезд на маршрутах между ДНР и ЛНР / Правительство Донецкой Народной Республики. 17.07.2020. Режим доступа: <https://pravdnr.ru/news/pravitelstvoinicizirovano-vozobnovlenie-prava-invalidov-nalgotnyj-proezd-na-marshrutah-mezhdu-dnr-i-lnr>

чае границы между ДНР и ЛНР) соседних непризнанных государств и чрезмерная централизация управления официальными кросс-границными связями.

При всех имеющихся проблемах сотрудничество постсоветских де-факто государств с сопредельными регионами, по большей части, решает наиболее острые проблемы выживания де-факто государства, его функционирования в сферах здравоохранения, связи, развития ряда отраслей экономики. При этом приграничное сотрудничество России с признанными им де-факто государствами (Абхазией и Южной Осетией) гораздо шире и разнообразнее, чем с непризнанными (ДНР и ЛНР).

Приграничное сотрудничество между де-факто и материнскими государствами в большинстве случаев находится в зачаточном состоянии. Частичным исключением можно считать относительно успешное сотрудничество между Молдавией и Приднестровьем, которое, однако, регулярно осложняется многочисленными политическими противоречиями. Наконец, приграничное сотрудничество с третьей страной (ПМР–Украина) осложняется фактором непризнанности и неблагоприятной политической конъюнктурой, а между двумя непризнанными государствами (ДНР–ЛНР) – гиперцентрализацией управления в обеих республиках.

Литература:

Анимца П.Е. Особые экономические зоны России: проблемы и особенности налогового регулирования // Налогообложение. 2012. № 12. С. 30-37.

Бредихин А.В. Донецко-Макеевская агломерация: пути развития приграничного сотрудничества // Альманах Казачество, 2016. Т. 6. № 19. С. 12-17.

Ростовецкая Т.В. Украина в приднестровском урегулировании (1992-2014 гг.) // Управленческое консультирование. 2015. № 2. С. 158-164.

Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения: научный доклад / под ред. А.В. Половяна и Р.Н. Лепы. Донецк-Москва: Институт экономических исследований 2017. С. 37-38.

Anderson, J. Partition, Consociation, Border-Crossing: Some Lessons from the National Conflict in Ireland/Northern Ireland // *Nations and Nationalism*, 2008, Vol. 14, No. 1, pp. 85-104.

Arieli, T. Borders of Peace in Policy and Practice: National and Local Perspectives of Israel-Jordan Border Management // *Geopolitics*, 2012, Vol. 17, No. 3, pp. 658-680.

Asiwaju, A.I. Cross-border Initiatives and Regional Integration in West Africa: The Nigerian Experience /

Nation-States and the Challenges of Regional Integration in West Africa: The Case of Nigeria. Ed. by Y. Akinyeye. Paris: Karthala, 2010. Pp. 137-148.

Blatter, J.; Clement, N. Cross-Border Cooperation in Europe: Historical Development, Institutionalization, and Contrasts with North America // *Journal of Borderlands Studies*, 2000, Vol. 15, No. 1, pp. 15-53.

Frear, Th. The Foreign Policy Options of a Small Unrecognised State: The Case of Abkhazia // *Caucasus Survey*, 2014, Vol. 1, No. 2, pp. 83-107.

Gohunov, S. The Russian – North Korean Borderland: A Narrow Border of Boundless Ambition / *Border Briefings* 2016, No. 1. Mode of access: https://www.academia.edu/24138601/The_Russian_North_Korean_Borderland_A_Narrow_Border_of_Boundless_Ambition.

Iranzo, A.; Caballero, S. The Periphery at the Centre: An Analysis of Latin American Regionalism from the Borders // *Space and Polity*, 2020, Vol. 24, Issue 3, pp. 346-361.

Kemoklidze, N.; Wolff, S. Trade as a Confidence-building Measure in Protracted Conflicts: The Cases of Georgia and Moldova Compared // *Eurasian Geography and Economics*, 2019, Vol. 61, No. 3, pp. 305-332.

Klatt, M.; Herrmann, H. Half Empty or Half Full? Over 30 Years of Regional Cross-Border Cooperation Within the EU: Experiences at the Dutch-German and Danish-German Border // *Journal of Borderlands Studies*, 2011, Vol. 26, No. 1, pp. 65-87.

Krasner, S. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999.

Martinez, O. Border People: Life and Society in the U.S.-Mexico Borderlands. Tucson: The University of Arizona Press, 1994. 375 p.

Mirmanova, N. Between Pragmatism and Idealism: Businesses Coping with Conflict in the South Caucasus / *International Alert*. 2006. Mode of access: https://www.international-alert.org/sites/default/files/publications/28_section_2_South_Caucasus.pdf

Nadalutti, E. The Rise of Trans-Border Regions in Southeast Asia: Behind the Dynamics of Informal and Formal Integration Processes in the “Indonesia–Malaysia–Singapore” Growth Triangle // *The Pacific Review*, 2015, Vol. 28, No. 4, pp. 607-630.

Ö Beachain, D.; Comai, G.; Tsurtsumia-Zurabashvili, A. The Secret Lives of Unrecognised States: Internal Dynamics, External Relations, and Counter-Recognition Strategies // *Small Wars & Insurgencies*, 2016, Vol. 2, No. 73, pp. 440-466.

Peyrouse, S.; Raballand, G. Central Asia: The New Silk Road Initiative’s Questionable Economic Rationality // *Eurasian Geography and Economics*, 2015, Vol. 56, No. 4, pp. 405-420.

Sousa, L. Understanding European Cross-border Cooperation: a Framework for Analysis // *Journal of European Integration*, 2013, Vol. 35, No. 6, pp. 669-687.

Zhao, S. China’s Approaches toward Regional Cooperation in East Asia: Motivations and Calculations // *Journal of Contemporary China*, 2011, Vol. 20, No. 68, pp 53-67.

References:

Anderson, J. Partition, Consociation, Border-Crossing: Some Lessons from the National Conflict in Ireland/Northern Ireland // *Nations and Nationalism*, 2008, Vol. 14, No. 1, pp. 85-104.

Animitsa, P.E. Osobyie ekonomicheskie zony Rossii: problemy i osobennosti nalogovogo regulirovaniia (Russian Special Economic Zones: Problems and Specific Features of Tax Regulation) // *Nalogooblozhenie*, 2012, No. 12, pp. 30-37.

Arieli, T. Borders of Peace in Policy and Practice: National and Local Perspectives of Israel-Jordan Border Management // *Geopolitics*, 2012, Vol. 17, No. 3, pp. 658-680.

Asiwaju, A.I. Cross-border Initiatives and Regional Integration in West Africa: The Nigerian Experience / Nation-States and the Challenges of Regional Integration in West Africa: The Case of Nigeria. Ed. by Y. Akinyeye. Paris: Karthala, 2010. Pp. 137-148.

Blatter, J.; Clement, N.. Cross-Border Cooperation in Europe: Historical Development, Institutionalization, and Contrasts with North America // *Journal of Borderlands Studies*, 2000, Vol. 15, No. 1, pp. 15-53.

Bredikhin, A.V. Donetsk-Makeevskaia aglomeratsiia: puti razvitiia prigranichnogo sotrudnichestva (Donetsk-Makiivka Agglomeration: Pathways of Cross-Border Cooperation) // *Al'manakh Kazachestvo*, 2016, Vol. 6, No. 19, pp. 12-17.

Ekonomika Donetskoi Narodnoi Respubliki: sostoianie, problemy, puti resheniia: nauchnyi doklad (Economy of the Donetsk People's Republic: State, Problems, Solutions) / ed. by A.V. Polovian i R.N. Lepa. Donetsk-Moskva: Institut ekonomicheskikh issledovani, 2017. Pp. 37-38.

Frear, Th. The Foreign Policy Options of a Small Unrecognised State: The Case of Abkhazia // *Caucasus Survey*, 2014, Vol. 1, No. 2, pp. 83-107.

Golunov, S. The Russian – North Korean Borderland: A Narrow Border of Boundless Ambition / Border Briefings 2016, No. 1. Mode of access: https://www.academia.edu/24138601/The_Russian_North_Korean_Borderland_A_Narrow_Border_of_Boundless_Ambition.

Iranzo, A.; Caballero, S. The Periphery at the Centre: An Analysis of Latin American Regionalism from the Borders // *Space and Polity*, 2020, Vol. 24, Issue 3, pp. 346-361.

Kemoklidze, N.; Wolff, S. Trade as a Confidence-building Measure in Protracted Conflicts: The Cases of Georgia and Moldova Compared // *Eurasian Geography and Economics*, 2019, Vol. 61, No. 3, pp. 305-332.

Klatt, M.; Herrmann, H. Half Empty or Half Full? Over 30 Years of Regional Cross-Border Cooperation Within the EU: Experiences at the Dutch–German and Danish–German Border // *Journal of Borderlands Studies*, 2011, Vol. 26, No. 1, pp. 65-87.

Krasner, S. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999.

Martinez, O. Border People: Life and Society in the U.S.-Mexico Borderlands. Tucson: The University of Arizona Press, 1994. 375 p.

Mirmanova, N. Between Pragmatism and Idealism: Businesses Coping with Conflict in the South Caucasus / International Alert. 2006. Mode of access: https://www.international-alert.org/sites/default/files/publications/28_section_2_South_Caucasus.pdf

Nadalutti, E. The Rise of Trans-Border Regions in Southeast Asia: Behind the Dynamics of Informal and Formal Integration Processes in the “Indonesia–Malaysia–Singapore” Growth Triangle // *The Pacific Review*, 2015, Vol. 28, No. 4, pp. 607-630.

Ó Beacháin, D.; Comai, G.; Tsurtsunua-Zurabashvili, A. The Secret Lives of Unrecognised States: Internal Dynamics, External Relations, and Counter-Recognition Strategies // *Small Wars & Insurgencies*, 2016, Vol. 2, No. 73, pp. 440-466.

Peyrouse, S.; Raballand, G. Central Asia: The New Silk Road Initiative's Questionable Economic Rationality // *Eurasian Geography and Economics*, 2015, Vol. 56, No. 4, pp. 405-420.

Rostovetskaia, T.V. Ukraina v pridnestrovskom uregulirovanii (1992-2014 gg.) (Ukraine in the Transnistrian Settlement (1992-2014)) // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2015, No. 2, pp. 158-164.

Sousa, L. Understanding European Cross-border Cooperation: a Framework for Analysis // *Journal of European Integration*, 2013, Vol. 35, No. 6, pp. 669-687.

Zhao, S. China's Approaches toward Regional Cooperation in East Asia: Motivations and Calculations // *Journal of Contemporary China*, 2011, Vol. 20, No. 68, pp. 53-67.

DOL: 10.24411/2221-3279-2021-10045

CROSS-BORDER COOPERATION OF POST-SOVIET DE FACTO STATES

Serghei V. Golunov

*Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 07.05.2021</p> <p><i>Accepted:</i> 07.09.2021</p>	<p>Abstract: The article focuses on cross-border cooperation of post-Soviet de facto states (Abkhazia, Donetsk, and Lugansk people's republics, Pridnestrovian Moldavian Republic, and South Ossetia) from the early 1990s until 2021. The author argues that in the most of examined cases cross-border cooperation of post-Soviet de facto states is not particularly effective. It can be largely explained by de facto states' complicated political relations with some adjacent recognized states, the illegitimacy of de facto borders for many potential partners, limited economic potentials of de facto states, perceiving them as a potential source of threats and instability even by friendly adjacent legitimate states, and over-centralized management of cross-border interactions by governments.</p> <p>Despite numerous problems, cross-border cooperation between post-Soviet de facto states and adjacent provinces of the relevant patron state (that is Russia) largely contributes to solving a de facto state's survival problems in the domains of health care, communication, and economic development. It should be noted that Russia's cooperation with those de facto states whose independence it has recognized is much more dynamic than cooperation with a non-recognized state. Cross-border cooperation between parent states and their "breakaway territories" is in its infancy in most cases. Relatively successful cooperation between Moldova and Transnistria can be considered as a partial exception but even in this case cooperation is periodically complicated with political contradictions. Finally, cross-border cooperation of a de facto state with a third country (Ukraine-Transnistria) is complicated with non-recognition and unfavorable political situation, while cooperation between two de facto states (between Donetsk and Lugansk People's Republics) by hypercentralized governance in both republics.</p>
<p>About the author:</p> <p>Lead Researcher, Group on Peace and Conflict Studies, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences</p> <p>e-mail: sgolunov@mail.ru</p>	
<p>Key words:</p> <p>de facto state; unrecognized state; cross-border cooperation; post-Soviet Eurasia; parent state; patron state; Abkhazia; Donetsk People's Republic; Lugansk People's Republic; Transnistria; South Ossetia</p>	

Для цитирования: Голунов С.В. Приграничное сотрудничество постсоветских де-факто государств // *Сравнительная политика*. 2021. № 4. С. 124-142.
DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10045

For citation: Golunov, Serghei V. Prigranichnoye sotrudnichestvo postsovetsskikh de-fakto gosudarstv (Cross-Border Cooperation of Post-Soviet De Facto States) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 4, pp. 124-142.
DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10045